

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.285-307

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)

Н.Е.Застенкер. Ленин о домарковском утопическом социализме

Морис Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)

М.А.Барз. Генезис идеологии истинных левеллеров

Жан Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.С.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

Ю.П.Мадор. Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223

К.Э.Кирова. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)

А.Д.Колпаков. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов

Карл Оберман. К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.

А.И.Володин. О начале социалистической мысли в России

Е.Л.Рудницкая. Социалистические идеалы Н.П.Огарева

В.Р.Лейкина-Свирская. Утопический социализм, петрашевцев

В.Э.Кунина. История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)

Ю.Я.Мошковская. Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.

В.М.Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

Артемий Дмитриевич Колпаков

ЧАРТИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ КОНЦА 30-х — НАЧАЛА 40-х ГОДОВ

Великое чартистское движение, явившееся выражением того переломного в истории человечества периода, когда «классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы...»¹, уже на начальных этапах несло в своей идейной основе вполне определенные социалистические тенденции. В условиях острейшего социального антагонизма, в горниле жестоких политических битв, английские рабочие вырабатывали классовую концепцию борьбы за свое освобождение, эмпирически, на ощупь шли к пониманию исторической миссии пролетариата.

Хорошо известно, что в эти годы социализм чартистов находился «еще в зачаточном состоянии»², а на их главных требованиях лежал эгалитаристский отпечаток. Однако бесспорно, что именно в этот период был заложен прочный идейный фундамент освободительной теории революционного чартизма, ее сближения с научным социализмом, которое стало реальностью в начале 50-х годов.

Социальные воззрения чартистов в конце 30-х — начале 40-х годов, периода, когда, по словам Ф. Энгельса, «первое национальное рабочее движение... достигло своей высшей точки»³, до сих пор специально не исследовались советскими историками. Что же касается буржуазной историографии, то ей принадлежит лишь несколько общих бездоказательных оценок, сводящих самостоятельную классово заостренную систему взглядов чартистов к эпигонским заимствованиям у либеральных и мелкобуржуазных философов и экономистов⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 20, стр. 25.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 2, стр. 458.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 20, стр. 25.

⁴ Так, например, маститый буржуазный ученый, профессор Тауни в предисловии к мемуарам Ловетта утверждал, что свою концепцию чартизм унаследовал в неизменном виде от Пэйна, Годвина, Годскина, Томпсона, Спенса. «Чартизм усвоил все эти идеи и положил в основу политического движения»

В статье мы сознательно отвлекаемся от освещения самого чартистского движения тех лет⁵, чтобы сосредоточиться на анализе социального смысла его лозунгов, а также на важном вопросе об усвоении и использовании передовыми английскими рабочими отдельных сторон буржуазных общественных теорий. Главный предмет статьи — взгляды революционного большинства чартистов, группировавшегося вокруг «Северной звезды» и Национальной чартистской ассоциации. Наиболее полно рассмотрены взгляды властителя умов чартистской массы исследуемого периода, Ф. О'Коннора. Его взгляды, широко распространяемые «Северной звездой», находили почти безоговорочное одобрение огромного большинства чартистов. О'Коннор имел известные основания заявить в 1842 г. о поддержке его принципов «99 из каждой сотни тех, кто трудится» (имелись в виду участники чартистского движения)⁶.

Что представлял собой английский пролетариат конца 30-х — начала 40-х годов? По справедливому замечанию Г. Поллита, он все еще «находился в стадии своего формирования как класс»⁷, не отделился окончательно от мелкобуржуазной демократии. В стране сохранялись значительные группы рабочих домашней промышленности (главным образом ручные ткачи — до 1 млн. человек), ремесленников и полуремесленных рабочих мелких мастерских в отраслях, еще не затронутых промышленным переворотом. Несколько сот тысяч горняков трудились на мелких шахтах с преобладанием отсталых, раннекапиталистических форм эксплуатации. В промышленность постоянно

(W. Lowett Life and Struggles, v. I N.Y., 1920, p. VIII. В сборнике «Chartist Studies» автор статей о чартизме в Лидсе и Лейстершире Дж. Гаррисон писал, что программа лейстерширских чартистов вплоть до конца 40-х годов представляла собой «смесь жалоб рабочего класса на свое положение с обрывками из аргументации рикардиевских социалистов и основной кофортимской доктрины либерального христианства» («Chartist Studies», London, 1959, p. 109).

⁵ О политической борьбе английских рабочих в этот период, завершившийся созданием первой в истории партии рабочих — Национальной чартистской ассоциации, см. А. Д. Колпак в «Создание Национальной чартистской ассоциации (1840—1841)». «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 2, он же «Из истории Национальной чартистской ассоциации». В сб. «Чартизм», М., 1961. Заметим лишь, что важнейшее значение для развития классового сознания рабочих в Англии имела борьба за парламентскую реформу 1832 г. и ее последствия. Буржуа-предпринимателю, ставшему теперь и буржуа-законодателем, уже невозможно было с такой легкостью, как прежде, обманывать своего недавнего союзника, пролетариат, внушая ему, что причиной всех его бед является единоличное олигархическое правление аристократии. Первые же акты реформированного парламента (новый закон о бедных, закон о муниципалитетах, новый закон о полиции и т. д.) наглядно продемонстрировали массам, что их удел в глазах буржуазии — быть принесенными в жертву капиталистическому Молоху.

⁶ «The Northern Star», 5 XI 1842.

⁷ «Коммунист», 1958, № 6, стр. 72.

вливались многотысячные пополнения из южных, преимущественно сельскохозяйственных, районов страны, поддавшихся под действие «нового закона о бедных», а также ирландских эмигрантов.

Наиболее боеспособным отрядом был фабричный пролетариат, в составе которого, однако, было очень много недавних крестьян, сельскохозяйственных рабочих, рабочих домашней промышленности, разорившихся ремесленников⁸. К тому же его численность была сравнительно невелика; около 420 тыс. человек⁹ на шесть-семь миллионов наемных рабочих. Подобная разнородность способствовала устойчивости мелкобуржуазных представлений в рабочей среде.

Ф. Энгельс указывал, что по своей теоретической форме современный социализм «выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII в. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»¹⁰. Эта характеристика во многом применима к общественно-политической концепции чартистов в исследуемый период. Согласно рационалистической традиции, чартисты рассматривали разум как движущую силу общественного развития. С его прогрессом связывали они надежды на изменение существующего порядка вещей «...Равномерно продвигающийся разум разоблачает происки политических интриганов, сокрушает ходячие предрассудки и уничтожает рабские наклонности, благодаря которым и существуют тираны», — писал известный чартистский лидер Генри Винсент¹¹. Высшему выражению разума, движение которого освободит трудящихся от экономического и политического гнета, уподобляет Хартию бирмингемский чартист Дж. Рэдфорд¹².

Чартисты были убеждены, что причина разорения и нищеты рабочих масс — «противоречащие разуму» английские законы, используемые в своих корыстных целях обеспеченным меньшинством. «И если мы исследуем корни пауперизма, невежества, нищеты и преступлений, то нетрудно будет отнести происхождение этого черного перечня к системе исключительного (exclusi-

⁸ По нашим приблизительным подсчетам, фабричные рабочие составляли не более 30% состава Национальной чартистской ассоциации. Большинство ее членов рекрутировалось из числа рабочих мелких мастерских полуремесленного типа, горняков, строителей, ручных ткачей (См. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 2, стр. 151).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 2, стр. 373.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 19, стр. 189.

¹¹ «The Northern Star», 19 IX 1840.

¹² См. напечатанное в «The Northern Star» (2 I 1841) интересное стихотворение «The Charter» («Хартия»).

ve) законодательства», — утверждал в своих мемуарах В. Ловетт¹³. Десятки подобных высказываний можно найти на страницах чартистских газет, в книгах и памфлетах эпохи¹⁴.

Исходя из подобных, по выражению К. Маркса, «юридических иллюзий»¹⁵, чартисты намеревались после победы Хартии использовать политическую власть для восстановления в обществе справедливых, «соответствующих разуму» законов. Это, по их мнению, должно было явиться залогом нового справедливого общественного порядка. «Всеобщее избирательное право послужит средством к созданию новых учреждений для производства и распределения богатства», — писал в 1842 г. «школьный учитель чартизма» Дж. Б. О'Брайен¹⁶.

Иденным материалом для теоретического обоснования чартистами прав рабочего класса и формулирования социального протеста против капиталистической эксплуатации и политического бесправия явилась буржуазная теория естественного права, а также унаследованная ими от демократических движений конца XVIII — начала XIX в. идеализация старых английских конституционных законов. Естественно, что правовая терминология повсеместно применялась на народных митингах, в чартистской прессе, памфлетной и иной литературе. Дело чартистов — это «дело справедливости, разума, правды, основанное на законах бога и природы и поддержанное правами человека (supported by the rights of man)» — говорилось, например, в обращении Лондонской ассоциации объединенных чартистов к рабочим столицы¹⁷. О «законах природы», существовавших во имя равенства людей и нарушенных деспотами, писал в стихотворении «Song for millions» («Песня для миллионов») чартистский поэт Бенжамен Стотт из Манчестера¹⁸.

Чартисты восприняли естественно-правовую теорию в ее радикально-демократическом толковании. Отказываясь от либерального понимания естественно-правовых лозунгов столпами буржуазной философии, которые, подобно Локку и многим французским просветителям, видели основную задачу так называемого гражданского общества (т. е. общества, заменившего «естественное» состояние) в охране частной собственности, они полагали в духе Руссо и якобинцев, что главная цель

¹³ W. Lowett *Life and Struggles*. v II, p 266.

¹⁴ См., например, редакционную статью «The Northern Star», озаглавленную «The People and their Prospects» («Народ и его будущее»), где все несчастья трудящихся, нищета, отчаяние, безнадежность, жизнь, полная лишений и непосильного труда, объяснялись существованием системы порочных законов — «ненавистного растения, ветви которого распространяются на все области жизни».

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс *Соч.*, т. 23, стр. 629.

¹⁶ Цит. по Г. Шлютер *Чартистское движение* М — Л, 1925, стр. 275.

¹⁷ «The Northern Star», 4 I 1840.

¹⁸ «The Northern Star», 12 III 1842.

общественного организма — в охране его членов от посягательств несправедливых, сильных и злых. Большой популярностью в чартистской среде пользовались произведения Томаса Пейна и особенно его знаменитый памфлет о правах человека («The Rights of Man»), где естественно-правовая теория служила автору для обоснования права народа на восстание против тирании¹⁹. О бессмертии якобинских «принципов равенства» Марата, Сен-Жюста, Робеспьера, «возрожденных чартистами на английской почве», неоднократно писал Дж. Гарни²⁰.

Естественно-правовая теория, послужившая буржуазии острым идеологическим оружием в антифеодальной борьбе, теперь изменила хозяина. Она была направлена чартистами против ее прежних духовных отцов и отстаиваемого ими буржуазного правопорядка. В старые буржуазно-демократические категории чартистами было вложено качественно новое пролетарское, революционное содержание, подсказанное условиями капиталистически развитой Англии начала 40-х годов, выстраданное английскими рабочими в ходе тяжелых классовых боев против буржуазии и установленного ею «царства разума». Особый, грозный для капиталистических институтов смысл этой идейной метаморфозы заключался прежде всего в том, что новые лозунги необычайно быстро стали огромной материальной силой, обретая мощную политическую армию в лице нескольких миллионов классово сознательных тружеников — чартистов. Ничего подобного не было и не могло еще быть на континенте, хотя там отдельные группы передовых рабочих уже подходили к аналогичным выводам даже несколько раньше.

«Парадоксальное» развитие чартистами естественно-правовых принципов мы находим уже в 1837 г. в манифесте Лондонской демократической ассоциации, где было записано: «Накопление частной собственности нарушает естественный закон, т. е. означает, что один класс (т. е. буржуазия, или как обычно писали чартисты «middle classes» — А. К.) живет за счет других, в результате чего те, кто трудится, низводятся до положения рабов»²¹. Этот резкий протест против буржуазного накопления, в отличие от самых смелых высказываний Руссо и других уравнивателей против «чрезмерной поляризации собственности», имеет четкий классовый акцент. От имени пролета-

¹⁹ О масштабах этой популярности мы можем судить хотя бы по такому факту. Влиятельная Лондонская демократическая ассоциация чартистов сочла необходимым записать в своем манифесте в качестве одной из главных задач «распространение принципов, выработанных великим философом и преобразователем рода человеческого, бессмертным Томасом Пейном (Manifest of London Democratic Association Date Jan 1837 Lovett Collection, Birmingham). Цит. по A. R. Schoyen *The Chartist Challenge* London, 1958, p 14.

²⁰ См., например, «The London Democrat», 1839, № 1, p 5.

²¹ A. R. Schoyen *Op cit.*, p 15.

риата он нападает на капиталистическую эксплуатацию наемных рабочих. Этот акцент станет еще более очевидным если вспомнить, что через несколько месяцев та же организация выдвинула целый ряд специфически пролетарских требований, в том числе требование 8-часового рабочего дня.

Весьма характерна также интерпретация руссоистской теории политического общества и естественного права, которую дал В Ловетт в написанном им совместно с Джоном Коллинзом памфлете «Чартизм — новая организация общества...»²² Здесь «естественные права» индивидуума, расширенные и дополненные, уже мало чем напоминают буржуазно-демократические лозунги «свободы, равенства, собственности», приобретаемая во многом классовое звучание, уподобляясь боевой программе чартистов. В так называемые личные или естественно-естественные права Ловетт включает «равное право на пользование землей, воздухом и водой»²³, а также «право на личную свободу» (no man having a right to enslave him), что в данных условиях звучало как протест против капиталистической эксплуатации, которую чартисты обычно именовали «наемным рабством» («wage slavery»).

В ряду «социальных» прав мы находим весьма распространенное в рабочей среде требование «защиты продуктов своего труда» (физического и интеллектуального), прямо направленное против капиталистической эксплуатации наемного труда. Среди «политических» прав — «право каждого члена общества участвовать в решении вопроса об его законодательных и исполнительных учреждениях принимать участие в создании правительственных учреждений», что, по существу, равнозначно главному требованию Хартии — лозунгу всеобщего избирательного права²⁴.

Следует отметить, что наряду с этим Ловетт включал в свой список и требования некоторых демократических сво-

²² Полное название памфлета «Chartism — a new organization of the people, embracing a plan for education and improvement of the people, politically and socially, addressed to the working class of United Kingdom, and more especially to the advocates of the rights and liberties set forth in the «People's Charter» Written in Warwick Gaol, by William Lovett, cabinet maker, and John Collins tool maker London, 1840 (Чартизм, новая организация общества, включая план политического и социального усовершенствования народа, адресован рабочим Соединенного Королевства и особенно защитникам народных прав и свобод, записанных в Народной Хартии. Написано в Варвикской тюрьме Вильямом Ловеттом, столяром, и Джоном Коллинзом, инструментальщиком Лондон, 1840)

²³ Всем врагам крупного землевладения от Спенсера до О'Брайена, к которым в то время примыкал и Ловетт, подобный аргумент обычно служил для обоснования требования национализации земли или радикальной аграрной реформы.

²⁴ W Lovett, J Collins Chartism — a new organization of the people, p 122—123

бод — свободы слова, совести, печати Этот факт — бесспорное свидетельство того, что, помимо борьбы за свои специфические классовые цели, английским рабочим приходилось в то время вести и «вторичную» борьбу, т. е. выступать за наиболее полную реализацию провозглашенной и во многом преданной буржуазией демократической программы великих революций XVII—XVIII вв.

Наряду с естественно-правовыми теориями идейный материал для формулирования своих политических лозунгов передовые английские рабочие искали в старых английских конституционных законах, чартисты полагали, что социальное устройство средневековой «old merry England» было наиболее сходно с идеальным государством общественного договора, а его законодательство воплощало в себе лучшие образцы «положительного права»²⁵. Поэтому в резолюциях чартистских митингов, в статьях и речах чартистских деятелей «неотчуждаемые права личности» нередко переплетались с «прирожденными правами англичанина», а правительство и буржуазно-аристократические верхи обвинялись как в нарушении «общественного договора», так и в попрании Билля о правах, Великой Хартии вольностей, Вестминстерского статута, актов средневековых королей и парламентов и даже англо-саксонского законодательства, например, права участия всего населения в

²⁵ Идеализация в духе мелкобуржуазных романтиков английского средневековья присуща виднейшим чартистским мыслителям О'Брайен, например, утверждал, что средневековая Англия была страной довольства и классового мира, где богатые и бедные вели взаимовыгодное существование, совместно участвуя в управлении страной посредством всеобщих выборов в парламент. Этому золотому веку пришел конец после отстранения бедняков от выборов в законодательные учреждения (1429 г.) См ст «Past and Present» в «The Northern Star» (21 IX 1839), а также кн. J. B. O'Brien The rise, progress and phases of human slavery » London, 1885 Антиисторическими, обращенными в прошлое были также взгляды О'Коннора Глубоко ненавистный ему капиталистический строй, наемное рабство рабочих казались О'Коннору искусственной исторической аномалией, шагом назад по сравнению со средневековьем. О нем можно сказать так же, как и о Коббете, что «глубокие перемены сопровождают разложение старого английского общества XVIII в, поразили его болезненное и наполнили горечью его сердце» (К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 9, стр. 178—179) Он писал о том, что «настоящее ненормальное состояние общества, создано искусственной промышленной системой» (F. O'Connor A practical work on management of small farms London, 1843, p. 6) От имени английских рабочих О'Коннор бросал обвинение опоздавшей, но не понятой до конца новой промышленной системе «Где-то существует глубоко укоренившееся зло», — говорил один из персонажей книги О'Коннора, прядильщик Джексон, — зло, которое возникло вместе с машинным производством (machinery), растет по мере его роста и крепнет вместе с ним» (F. O'Connor Employer and Employed London, 1843, p. 33) «Я выступаю против машинного производства, потому что оно ниспровергает все законы природы и ее бога», — резюмировал О'Коннор (Ibid., p. 40) На аналогичных позициях в эти годы стоял Дж. Гари и десятки корреспондентов «The Northern Star».

выборах уитенагемота — законодательного органа древних саксов²⁶.

Наиболее ярким примером диалектического преодоления чартистами буржуазно-демократических идейных традиций, создания ими элементов подлинно пролетарской идеологии является сделанный в начале 40-х годов вывод о необходимости овладения пролетариатом политической властью.

Возникновение лозунга было неразрывно связано с острой критикой, которой чартисты подвергли все политические институты буржуазной Англии, решительно отрицая их как глубоко враждебные трудящимся массам. «...В чартизме,— писал Ф. Энгельс,— против буржуазии поднимается весь рабочий класс, нападая прежде всего на ее политическую власть, на ту стену законов, которой она себя окружила»²⁷. «Вся наша система управления и законодательства основана на подкупе и разложении,— писала «Северная звезда».— Королева подкуплена блеском своего двора и королевской роскошью и не желает слушать стонов обнищавшего и ограбленного народа; епископы подкуплены «пышностью и тщеславием этого грешного мира», прочее духовенство — богатыми доходами или надеждой на них, светские лорды — титулами и поместьями, а огромная часть средних классов — различными дарами их бога Маммона — и все это, чтобы защищать и поддерживать существующий порядок вещей»²⁸. В известном чартистском памфлете «The Rotten House of Commons» («Гнилая палата общин»), выпущенном еще в 1836 г., говорилось, что из 658 членов нижней палаты парламента нет ни единого, кому рабочие могли бы доверить защиту своих интересов. «Ждать добра от английского парламента все равно, что ягненку рассчитывать на сострадание волка», — замечала «Северная звезда»²⁹.

Дружной ненавистью чартистов пользовались обе главные правящие партии страны, олицетворявшие собой буржуазную и помещичью группировки, — виги и тори. Ловетт писал о них, что как первые, так и вторые — злейшие враги рабочих, с той лишь разницей, что «одна клика лицемерно болтает о свободе, тогда как другая готова на все, чтобы подавить ее дух...»³⁰

²⁶ Чартисты обвиняли правящие классы также и в нарушении конституционных принципов, развитых в теориях крупнейших представителей английской политической философии и юристов — Селдена, Кока, Локка, Бэкона и др. См. например, статьи в «The Northern Star» от 14 IX 1839 и 13 VI 1840, текст принятой I-м чартистским конвентом в 1839 г. «Декларации прав народа Объединенного Королевства Великобритании и Ирландии согласно старинным законам и обычаям английского королевства».

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 451—452.

²⁸ «The Northern Star», 16.V 1840.

²⁹ «The Northern Star», 11 I 1840

³⁰ W. Lowett Life and Struggles... v I, p. 175.

Классовый анализ всей системы политических учреждений буржуазной Англии подводил чартистов к мысли о необходимости их коренного преобразования. «Вся наша система классового законодательства,— писала «Северная звезда»,— подверглась исследованию в самых благоприятных для нее обстоятельствах и осуждена, как не обладающая элементарными качествами для успешного управления. Она не способна обеспечить счастье народа, или даже охранять его интересы... Вся она должна быть разбита в куски»³¹.

Средством для достижения политического идеала чартистов, т. е. для уничтожения господства власти имущих и установления власти рабочих, должны были стать шесть известных пунктов Великой хартии; главный из них — всеобщее избирательное право. Собравшаяся в январе 1840 г. в Лондоне конференция чартистских делегатов из разных районов страны³² в обращении к королеве заявляла: «Мы искали причины нашей нищеты и падения и не могли найти их ни в законах природы, ни в требованиях разума. Долгие поиски и приобретенный опыт убедили нас, что все несчастья, которые нам приходится переносить, происходят из того, что мы лишены политического права участвовать в парламентских выборах». Поручкой этих прав делегаты называли «законы бога, законы Англии и естественные права человека»³³.

В теоретическом плане обоснование чартистами необходимости овладения рабочими политической властью выглядело следующим образом. Общество, основанное на «договоре», уже было однажды извращено и испорчено эгоизмом и насилием имущих классов. Чтобы избежать этого, преобладающее политическое влияние в обществе должен получить класс, к которому принадлежит преобладающее большинство его членов, т. е. рабочие. В чрезвычайно любопытной статье в «Лондонском демократе», озаглавленной «Как победит народ?», утверждалось, что после победы Хартии все члены общества, включая помещиков и капиталистов, могли бы жить счастливо под сенью новых справедливых законов³⁴. Однако убедить в этом эксплуататоров невозможно. «Дело сводится к следующему,— заключал автор статьи,— средние классы никогда искренне не при-

³¹ «The Northern Star», 29 II 1840

³² В чартистской прессе эту конференцию иногда называли генеральным конвентом.

³³ «The Northern Star», 18 I 1840.

³⁴ Здесь проявились широко укоренившиеся в чартистской среде иллюзии о якобы «всеобъемлющем», «универсальном» значении предлагаемых чартистами мер для всех общественных слоев. Субъективно это иногда вело к затуманиванию ясной классовой перспективы лозунгов Хартии. Однако эти чаяния в духе просветительной философии ни в коей мере не могут отодвинуть на задний план объективное значение требования установления политической гегемонии пролетариата.

соединятся к движению, преследующему цели улучшения положения народа, и если бы это произошло, это противоречило бы человеческой природе. Даже страх не заставит их пойти на встречу народу, если они не убедятся, что в будущем они смогут сохранить возможность грабежа. Наше движение не добьется успеха, если клики (т. е. виги и тори — А. К.) не будут полностью разгромлены и изгнаны без остатка. Возрождение человеческого рода произойдет только в том случае, если народ вырвет власть из их рук и будет распоряжаться ею самостоятельно»³⁵.

Мысль о том, что после победы Хартии Англия станет страной, где пролетариат будет осуществлять политическую власть, была аксиомой для чартистов³⁶. «Обычно исходят из того,— писал издатель «Северной звезды», виднейший чартистский публицист Хилл,— что после победы всеобщего избирательного права соотношение сил партий будет приблизительно таким же, как сейчас! Но ни один здравомыслящий человек не может отрицать хотя бы после двухминутного раздумья, что защитники прав (т. е. чартисты.— А. К.) будут по меньшей мере в пять раз сильнее, чем клики (factions)»³⁷. В другой раз чартистский орган отмечал, что «...только всеобщее избирательное право заставит «тридцать три порочных из каждых ста» склониться перед остальными шестьюдесятью семью»³⁸.

Весьма последовательное суждение по этому вопросу высказывала газета в статье «Цена союза со средними классами». Комментируя предложения буржуазных радикалов о союзе с рабочими, газета спрашивала, какой цели может служить подобный союз? Цель может быть лишь одна — окончательная победа над аристократией и создание правительства средних классов. Но,— продолжает газета,— рабочие слишком хорошо знают, что означает для них господство средних классов, чтобы попасться на эту удочку. Выход состоит в том, чтобы вырвать власть из рук обеих групп угнетателей³⁹.

Огромное революционное значение этих лозунгов трудно

³⁵ «The London Democrat», 1839, N 7, p. 49

³⁶ Буржуазно-демократическое понимание лозунгов Хартии — стремление истолковать их как отказ от политической гегемонии рабочих и отстранения от власти эксплуататорских классов было присуще лишь крайне узкой и мало-влиятельной группе Ловетта, с начала 40-х годов сближающейся с буржуазными радикалами «Цель чартистов — возродить всех, никого не подчиняя», — писали Ловетт и Коллинз в 1840 г. (W Lowett, J Collins Chartism — a new organization of the people, p. 1) К Маркс характеризовал подобную трактовку лозунгов Хартии как «тщетную попытку сформулировать требование всеобщего избирательного права как общее требование так называемых радикалов и народных масс» (К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. II, стр. 281)

³⁷ «The Northern Star», 9 V 1840.

³⁸ «The Northern Star», 2 I 1841

³⁹ «The Northern Star», 20 II 1841

переоценить. Если бабувисты, в среде которых впервые созрела идея лишения политической власти эксплуататоров в пользу угнетенных и эксплуатируемых слоев населения, говорили от имени «еще не созревшего класса»⁴⁰, то в лице чартистов на политическое господство в наиболее развитой европейской стране посягнул уже сложившийся в могучую боевую силу рабочий класс. Достаточно упомянуть, что летом 1840 г. английский пролетариат создал в лице Национальной чартистской ассоциации первую в истории общенациональную политическую организацию рабочего класса с единым руководящим центром и детально разработанной организационной схемой. На знамени ее было написано главное требование Хартии: «Справедливое и полное представительство в парламенте всего народа Соединенного Королевства!», т. е. классовый лозунг перехода власти в стране к пролетариату. В 1842 г. партия чартистов насчитывала уже более 50 тыс. членов и вела за собой миллионные массы трудящихся.

По словам Маркса, всеобщее избирательное право в Англии являлось хартией народных масс и означало завоевание ими политической власти как средства для осуществления своих социальных требований⁴¹. «Для чартистов боевым кличем является отнюдь не *республика* вместо *монархии*, а *господство рабочего класса* вместо *господства класса буржуазии*»⁴². Это был важнейший практический вклад чартистов в дело борьбы за социализм. Революционные обобщения чартистов не могли быть сделаны без достаточно глубокого для своего времени проникновения в классовую структуру капиталистического общества. Здесь, помимо собственного боевого опыта, который был положен во главу угла их концепции, чартисты опирались на достижения раннего английского социализма (Годскин, Томпсон, Грэй), на отдельные гениальные догадки Оуэна. Эти мыслители в 20—30-х годах сумели сделать важные выводы не только о существовании в обществе пролетариата, но и об его экономической угнетенности буржуазией.

Являясь практическими выразителями идеи классовой борьбы пролетариата, чартисты не только критически усвоили существовавшие до них воззрения на классы и классовую борьбу, но и кое-где пошли дальше по пути их развития и углубления. Классовые противоречия буржуазного общества и вытекающая из них классовая борьба являлись для чартистов непреложным фактом.

«Классовая борьба не есть результат нашего воображения. Ее причина — существование системы, обогащающей один класс за счет другого», — говорилось, например, в обращении чартист-

⁴⁰ К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 18

⁴¹ См. К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. II, стр. 281.

⁴² К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 4, стр. 303.

ского комитета Болтонской ассоциации рабочих к трудящимся Болтона ⁴³.

✓Довольно отчетливо различали чартисты и своего главного врага — английскую буржуазию. Весьма недвусмысленно, классово четко характеризовал Дж. Гарни результаты политического господства буржуазии в парламенте страны в 1832—1841 гг. для английских рабочих. «Теперь вы можете судить с достаточной ясностью, несмотря на попытки врагов обмануть вас,— писал он трудящимся Лондона.— Девять лет «либерального правления» научили верно оценивать «благодеяния» среднего класса, воплощенные в «бастилиях» (рабочих домах для бедных, созданных на основе закона 1832 г. — А. К.), одиночных камерах и голодовках, карцерах и каторжных цепях, в нашей всеобщей нищете и во всеобщей распущенности наших угнетателей.

Теперь вы видите, что ваши худшие враги — бессердечная шопократия (от слова «shop» — фабрика, — презрительное название буржуазии. — А. К.), и вы должны надеяться только на самих себя...» ⁴⁴. Немного позже, перечисляя наиболее зверские образцы антирабочего законодательства реформированного буржуазного парламента, «Северная звезда» писала, что злодеяния буржуазных законодателей нагляднее всего разоблачают их подлинное отношение к рабочему классу ⁴⁵. Чартисты четко выделяли среди всех составляющих буржуазный класс социальных групп тех самых фабрикантов (mill-owners), которых О'Коннор называл «подлинными рабовладельцами, беспощадно грабящими трудящиеся массы» ⁴⁶.

Вместе с тем следует учитывать, что понимание классовой структуры общества чартистами в то время не было и не могло еще быть достаточно ясным. Основу классовой дифференциации общества они видели в имущественном неравенстве, возникшем в результате злоупотреблений, закрепленных несправедливым законодательством, а сами классы в их понимании являлись, по существу, искусственными социальными образованиями, порождением «искусственной» капиталистической системы. Классовая борьба виднейшим теоретикам чартизма представлялась в раз навсегда застывших, неизменных формах, а ее перспективы непосредственно зависели от «доброй воли» или «испорченности» социальных антагонистов ⁴⁷.

⁴³ «The Northern Star», 30 V 1840

⁴⁴ «The London Democrat», 1839, № 2, p. 13.

⁴⁵ «The Northern Star», 25 I 1840.

⁴⁶ «The Northern Star», 9.V 1840.

⁴⁷ Будучи убеждены в обратимости классовых противоречий, чартисты однако расходились в объяснении их характера. Если большинство чартистов считало, что виной всему ненасытная жадность власть имущих и их стремление к наживе за счет трудящихся, то правая группа Ловетта сводила все дело к «взаимным ошибкам, непониманию и неуступчивости».

✓Вместе с тем отчетливо сознавая свое особое положение в буржуазном обществе как угнетенного и эксплуатируемого класса и — одновременно единственного творца материальных благ, с интересами, в корне противоположными эксплуататорским классам ⁴⁸, чартистские рабочие хотя еще расплывчато и туманно, в обрамлении естественно-правовой фразеологии, пытались формулировать тезис о роли и перспективах своего класса в обществе. ✓В общем... все промышленные рабочие, — отмечал Ф. Энгельс в начале 40-х годов, — вовлечены в ту или иную форму борьбы против капитала и буржуазии. Все они сходятся на том, что они «working men» — звание, которым они гордятся и которое служит обычным обращением на собраниях чартистов, — что они составляют самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам, и в то же время класс, на котором зиждется вся сила нации и ее способность к дальнейшему развитию» ⁴⁹. Чартистские рабочие были убеждены, что защищаемые ими классовые интересы пролетариата совпадают с интересами громадного большинства населения страны. «Наше дело — дело народа, в борьбе за него мы не ищем выгод для какой-либо партии или клики, оно совпадает с надеждами огромных масс трудящихся классов. Это дело промышленных рабочих, ремесленников, сельскохозяйственных рабочих... каждого, кто трудом зарабатывает свой хлеб...», — говорилось в обращении Лондонской ассоциации объединенных чартистов ⁵⁰. Сходная мысль содержалась в помещенной в «Северной звезде» статье известного лондонского чартистского лидера Джона Уоткинса с красноречивым названием: «Тот, кто не с нами, тот против нас». «Наше дело, — писал автор статьи, — дело наших жен, матерей, детей, родителей, друзей, братьев; тот, кто против него, выступает против самого себя, против собственной плоти и крови, против своей страны» ⁵¹.

✓В сознании английских рабочих глубоко укоренилось гордое убеждение в своем первостепенном значении в обществе как создателей всех материальных благ, могущества и силы страны. В обращении собравшейся в Лондоне в начале 1840 г. национальной чартистской конференции к королеве говорилось: «Мы хотим обратить внимание вашего величества, что ваше собственное положение и достоинство, блеск вашей короны, необъятность империи, влияние, слава и богатство ее торговцев — все создано

⁴⁸ «Имейте в виду, что все имущие классы, от надменного пэра до хозяина, живущего трудом наемных рабочих, объединены узами эгоистического интереса», — говорилось в одном из чартистских памфлетов того времени («Chartist tracts for the times. By the Kirkdale chartist prisoners. N 1. Why are we poor? What do the chartist want?», 1837, p. 8).

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 463.

⁵⁰ «The Northern Star», 29 II 1840.

⁵¹ «The Northern Star», 11. II 1843.

трудом и защищается руками рабочих...» Далее говорилось о невыносимом положении английских трудящихся, об их стремлении добиться Хартии⁵². В умах передовых английских рабочих мысль о достоинстве и первостепенной значимости их класса в общественном организме неразрывно связывалась с идеей о за- служенном праве этого класса направлять и преобразовывать общество в интересах народа.

Как уже указывалось выше, рабочий класс для чартистов был прежде всего главным выразителем принципов «естественного права», «подлинным» (в отличие от эксплуататорских классов) носителем идеи «разума» и «справедливости»: его задача заключалась в построении на земле идеального общества в полном соответствии с этими принципами. Пустившая глубокие корни в чартистской среде мысль об особой роли рабочего класса в обществе как основного борца против социального и политического гнета, способного в случае прихода к власти заставить ее служить народу, свидетельствует о том, что в процессе углубления классового конфликта чартисты постепенно вставляли на путь, ведущий к формированию революционных представлений об исторической миссии пролетариата. Эти выдающиеся догадки, социалистический смысл которых несомненен, заставляют вспомнить слова Ленина о том, что чартизм «во многих отношениях был подготовкой марксизма»⁵³.

Но во имя каких целей стремились чартистские рабочие к политической гегемонии в стране? Были ли они только «чистыми политиками», как нередко утверждали буржуазные исследователи? Нет. В осуществлении своих политических идеалов они видели средство социального переустройства общества в интересах рабочего класса. По существу своему чартизм есть явление социального характера. «Шесть пунктов», которые для радикального буржуа представляют все и которые лишь в крайнем случае могли бы повлечь за собой еще некоторые конституционные реформы, для пролетария являются только средством», — писал о чартистской программе Ф. Энгельс⁵⁴.

Лозунги политического равенства у чартистов были непосредственно связаны с требованиями равенства социального. Одно из программных высказываний О'Коннора, сделанное им в 1839 г. на конференции шотландских чартистов, звучало так: «Мы требуем... равенства прав и привилегий, того самого равенства, которое придет одновременно с принятием принципа всеобщего избирательного права и которое позволит народу этой страны пользоваться всеми плодами своего труда, умственных способностей и хорошего поведения»⁵⁵.

⁵² «The Northern Star», 18 I 1840.

⁵³ В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 290.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 2, стр. 458.

⁵⁵ «The Northern Star», 2.IX 1839.

Важным элементом в социальных воззрениях чартистов являлась критика ими капиталистического общества как несправедливого строя, где благополучие немногих основано на угнетении и ограблении миллионных масс трудящихся. «На земле, текущей молоком и медом, народ голодает, в то время, как кучка бездельников захватила все ее богатства и отрицает человеческие права за теми, кто эти богатства произвел. Помните, праздные негодяи, что если бы не труд рабочих классов, вам пришлось бы бегать по улицам без одежды», — говорил на митинге в Манчестере видный чартист Джеймс Лич⁵⁶.

Чартисты отдавали себе отчет, что развитие машинного производства при сохранении существующих общественных отношений означает лишь дальнейшее обогащение эксплуататорского меньшинства за счет трудящихся. «Рабочие не только Англии, но и Европы, хотят знать, почему с увеличением средств производства, явившемся результатом обширных усовершенствований в искусствах, науке и машинной системе, их положение постоянно ухудшается», — говорилось в одном из чартистских памфлетов⁵⁷.

Сопоставляя расширение фабричной системы и уменьшение заработной платы рабочих за последние 60 лет, чартисты утверждали, что широкие массы рабочих нищают пропорционально темпам промышленного развития⁵⁸. «Вновь и вновь я стараюсь внушить рабочим, что пока все другие классы увеличивают свое богатство и роскошь, сами они, как по волшебству, спускаются все ниже и ниже», — писал О'Коннор⁵⁹.

Критику эксплуататорского характера капиталистического общества чартисты сочетали с резкими атаками против буржуазной политической экономии, пропаганды «свободы торговли», отвратительных доводов мальтузианства. В этот период, — как отмечал Ф. Энгельс, — «факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции»⁶⁰.

Дж. Гарни обрушивался на «политическую экономию радикалов из среднего класса» (т. е. «манчестерцев», идеологов промышленной буржуазии вроде Юма, Грега, Бейнса и т. д. — А. К.), «философию, которой проникнута вся наша (т. е. ан-

⁵⁶ «The Northern Star», 22 VIII 1840

⁵⁷ «Chartist Tracts for Times», № 1, р. 3.

⁵⁸ «Chartist Tracts for Times», № 4, р. 2—3 В памфлете отмечалось, что если в 1781—1841 гг. производство хлопчатобумажных изделий в Англии увеличилось в 101 раз, то заработная плата ткача упала почти в 10 раз.

⁵⁹ Из письма О'Коннора Джеймсу Личу. «The Northern Star», 29 VIII 1840 Аналогичная мысль развивается им в известной книге «Employer and Employed».

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 25.

глийская. — А. К.) промышленная и торговая система, убивающая и уродующая рабочих и работниц, побуждая юношей и девушек покидать землю своих предков для того, чтобы терять силы в топях Канады или гибнуть в диких просторах Австралии»⁶¹.

Он писал, что в обществе, руководствующемся этой философией, жизнь рабочего становится сплошным адом, а преждевременная старость загоняет его в рабочий дом, где он обречен на медленное умирание в разлуке со всеми, кто ему дорог. «Эта лицемерная мальтузианская философия, — продолжал Гарни, — нарушает все божественные заповеди, попирает лучшие человеческие чувства и принципы морали и справедливости»⁶².

О'Коннор, обращаясь к буржуазным политэкономам типа Чамберса, Чадвика, Джеймса Грэма, Юма и др., утверждал: «Вы можете перечитать все находящиеся в вашем распоряжении книги, однако и в этом случае вы не найдете достаточных аргументов, чтобы убедить рабочих в том, что справедливы те законы, которые позволяют вам и капиталистам творить подобные вещи (речь идет о капиталистической эксплуатации. — А. К.) и заставлять бедных голодать»⁶³.

Социальная критика чартистов носила классовый характер. Если за два десятилетия до них говорившие в то время от имени рабочего класса мелкобуржуазные демократы, подобно Вулеру, Шервину, Р. Карлейлю, считали, что основная причина нищеты трудящихся кроется в несправедливом налоговом обложении, то чартисты усматривали ее в эксплуатации рабочих хозяевами-капиталистами, в развитии современного машинного производства.

Однако критика чартистами капиталистического строя была во многом незрелой и ограниченной. Употребляя выражение Энгельса, они еще не были в состоянии «объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели». Их критика «направлялась больше на вредные последствия, чем на само капиталистическое производство»⁶⁴.

Раньше, чем перейти к рассмотрению чартистской альтернативы существовавшему общественному порядку, обратимся к их взглядам на частную собственность. Не подлежит сомнению, что чартисты весьма бережно относились к принципу частной собственности. За ее полную неприкосновенность неоднократно высказывались чартистские вожди О'Брайен, О'Коннор, Ловетт

⁶¹ «The Northern Star», 13 X 1838. Цит. по кн.: A R Shoyen. Op. cit., p. 19

⁶² Ibidem.

⁶³ F. O. Connor. Employer and employed, p. 27. Здесь же О'Коннор подвергал резкой критике теорию народонаселения Мальтуса.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 26.

и др. Подобные мысли находили отражение и в резолюциях чартистских митингов⁶⁵. В статье 36 уже упоминавшейся ранее «Декларации прав народа Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии» утверждалось, что право частной собственности «священно и нерушимо»⁶⁶. Однако «священной» в глазах чартистов являлась лишь собственность трудящегося населения — ремесленников, рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Крупная же капиталистическая собственность в промышленности и сельском хозяйстве являлась объектом их постоянных и страстных нападков. Таким образом, чартисты отрицали собственность как основу капиталистического накопления, как необходимое условие все увеличивающегося имущественного неравенства.

Развивая популярную в то время мысль Локка о том, что важнейшим «естественным правом» человека является его труд и, следовательно, его собственность на творения его рук, чартисты требовали законодательной защиты результатов труда рабочих. Политическая власть необходима чартистам для защиты своего труда, т. е. своей собственности, — говорилось в одном памфлете того времени⁶⁷. «Труд — это наша собственность, и он должен быть приравнен к собственности всех других классов в обществе», — так формулировал требование чартистов в этом вопросе сочувствовавший чартистам парламентарий Томас Слингсби Данкомб⁶⁸.

Огромное большинство участников чартистского движения отстаивало идею осуществления социального равенства путем принудительного уравнения имуществ в результате законодательной деятельности государства. «Достижение политической власти лишь средство к социальному равенству, — писал Гарни. Нас обычно клеймят как левеллеров и если под этим подразумеваются, что мы хотим положить конец созданному дурными законами неравенству, то мы признаем себя виновными»⁶⁹. В «Во-

⁶⁵ Вот, например, выдержка из резолюции чартистского собрания в Хайде: «Мы не хотим ни раздела ни уничтожения чьей-либо собственности.» («The Northern Star», 4.IV 1840).

⁶⁶ «The Northern Star», 14 IX 1839.

⁶⁷ Chartism, Trade-Unionism and Socialism, which is the best calculated to produce permanent relief to the working classes by Thomas Hunt London, 1840.

⁶⁸ Цит. по: F. O'Connor. Employer and Employed, p. 3. Рассматривая, подобно Локку и его интерпретаторам из лагеря ранних английских социалистов, Грью, Годскину, Томпсону и т. д., трудящегося человека как источник собственности, чартисты полагали, что рабочие не становятся собственниками лишь в силу того, что не всем в современном обществе дана одинаковая свобода в ее приобретении и не все при этом имеют одинаковую законодательную защиту. «Стоит только сделать приобретение собственности одинаково легким при помощи честных и законных средств и затем дать всем одинаковую законную охрану этой собственности и тогда за собственность не придется более опасаться», — утверждал О'Брайен на Бирмингемской конференции весной 1842 г. (П. Шлютер Указ. соч., стр. 297).

⁶⁹ «London Dispatch», 1.I 1839. Цит. по: A Shoyen Op. cit., p. 28—29

просах и ответах относительно чартизма» «Северная звезда» писала, что политическое преобладание рабочих «покончит с узурпацией и монополиями и сблизит два полюса — богатства и нищеты»⁷⁰. «Дайте нам только добиться всеобщего избирательного права, — писал Генри Винсент, — и богатство, ныне скрытое в карманах немногих, будет распределено между большинством...»⁷¹

К чему же сводились социальные чаяния чартистов?

«Социальное равенство означает, что горы богатства должны быть разрушены, чтобы заполнить долины нужды... — писал в «Лондонском демократе» Дж. Кумб. — Социальное равенство означает, что каждый будет иметь хорошенький домик с садиком... хорошую теплую одежду, которая будет придавать ему приличный вид, и достаточное количество еды и питья для того, чтобы выглядеть и чувствовать себя счастливым... Социальное равенство означает, что хотя все должны будут работать, все тем не менее будут счастливы»⁷².

Это самое развернутое для своего периода изложение конкретного чартистского социального идеала наиболее полно отражало тот, по существу, мелкобуржуазный смысл, который вкладывали чартисты в понятие социального равенства.

В редакционной статье «Северной звезды» мы имеем единственный в своем роде и наиболее полный перечень общих чартистских требований, носящих в целом непоследовательно-эгалитаристский характер. «Все законы, преследующие выгоду определенной общественной группы в ущерб всей нации, такие как хлебные законы, законы о браконьерстве и т. д. должны быть отменены, майораты запрещены; земли короны, церкви и пустоши должны быть переданы в свободное владение тем, чей доход ниже суммы, гарантирующей безбедное существование; накопление богатства должно быть ограничено определенными пределами»⁷³.

В отличие от уравнилельных теорий прошлого, сводившихся

⁷⁰ «The Northern Star», 7 XI 1840

⁷¹ «The Northern Star», 19 IX 1840 См также высказывание Абея Хейвуда на лекции в Манчестере (там же) и т. д.

⁷² «The London Democrat», 1939, N 3, p 20 Почти полной аналогией к нему звучит известное программное стихотворение О'Коннора:

«Хочу я домик и доход не больше сотни фунтов в год,

Хочу корову и телят, хочу я маленький лужок,

Куда б сгонял их пасушок» и т. д.

⁷³ «The Northern Star», 20 II 1841 Отмечая мелкобуржуазный характер этих требований в целом, связанный с известной идейной отсталостью английских рабочих, которые необходимость социального переустройства капиталистического общества видели куда отчетливее, чем пути к нему, следует вместе с тем обратить внимание на прогрессивный для своего времени смысл направленных против феодальных пережитков лозунгов отмены майоратов, отчуждения земель короны и церкви.

почти исключительно к земельному переделу, эгалитаризм чартистов, исходя из конкретно-исторических условий, был направлен и против собственности капиталиста, представляя собой весьма своеобразное явление «приспособления» старых лозунгов поравнения к новым условиям борьбы.

Главным объектом атаки против буржуа-промышленника чартисты избрали его «святую святых» — капиталистическую прибыль. В этих целях они широко привлекали примеры из литературы раннего английского социализма, которая, по словам Энгельса, «в двадцатых годах использовала теорию стойкости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства и побивала буржуазию ее собственным оружием»⁷⁴.

Направляя свой главный удар против неэквивалентного затраченному труду распределения капиталистами материальных благ в форме заработной платы, чартистские рабочие выдвигали в качестве своего основного требования лозунг «fair wages for fair work» (т. е. «честная оплата честного труда»). Скучность имеющихся в литературе данных не позволяет установить, как далеко заходило большинство чартистов в своих требованиях «справедливого» перераспределения промышленных прибылей. Свидетельства, которыми мы располагаем, позволяют говорить о стремлении гарантировать рабочему 40—50% общих сумм, получаемых капиталистом⁷⁵.

Однако эта утопическая программа (впоследствии подобные установки были раскритикованы К. Марксом как производные от построений буржуазной политической экономии и не составляющие угрозы для самого капиталистического способа производства⁷⁶) не была безраздельно господствующей в чартизме исследуемого периода. В эти годы то там, то здесь отдельные рабочие или чартистские общества выступали с требованием, означавшим дальнейшее развитие этой идеи до ее логического отрицания, до появления объективно социалистического (по своему антикапиталистическому содержанию) лозунга «права рабочего на полный продукт своего труда». «Мы часто слышим, что все, чего добиваются рабочие, это честной оплаты за честный труд, — заявил на чартистском собрании в Манчестере член Генерального совета Национальной чартистской ассоциации Ричард Диган.

Однако я считаю, что они должны получать все, что зарабатывают, и не дам пучка редиски за любую реформу, кото-

⁷⁴ К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 24, стр 17

⁷⁵ См, например, F O'Connor Employer and employed», p 5—10, или помещенное в «Northern Star» (22 II 1840) письмо за подписью «Чартист — сторонник моральной силы» Следует упомянуть, что редкий чартистский митинг не вносил в свою резолюцию пункта о необходимости «честной оплаты труда»

⁷⁶ См К Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 19, стр 16.

рая не обеспечит этого. Рабочий должен пользоваться всеми богатствами, которые он производит»⁷⁷. В обращении манчестерского чартистского «Общества борьбы за восстановление прав англичанина» к английскому народу было записано, что первое и основное право рабочего — абсолютный контроль над «полным продуктом своего труда, ни одна часть которого не может быть отчуждена у него без его согласия»⁷⁸.

Подобное требование, несмотря на его утопизм, было равносильно в то время отрицанию устоев капиталистического общества — капиталистической прибыли, земельной ренты, банковского процента, словом, всех нетрудовых доходов. Исходя из этого, Маркс в «Критике Готской программы» характеризовал этот лозунг, как представление, которое «в свое время имело некоторый смысл»⁷⁹.

Первостепенное значение в социальных устремлениях чартистской массы имел вопрос о владении землей. Это было связано со специфическим положением большинства чартистов как людей, сравнительно недавно и насильственно оторванных от нее. К тому же, не понимая прогрессивности машинного производства, чартисты надеялись с помощью возрождения мелкокрестьянской земельной собственности воздвигнуть непреодолимый барьер на пути капиталистического развития⁸⁰.

Рассматривая право каждого человека работать на его собственной земле как неотъемлемую привилегию любого члена общества, они видели в лендлордизме нарушение «естественных и божественных прав». «Первая и основная причина нищеты существует там, где земля принадлежит извлекающим из нее выгоду немногим, а земледelec является, по существу, рабом собственника», — утверждал чартистский памфлет⁸¹.

Развивая идеи целой плеяды мелкобуржуазных английских уравнивателей XVIII — начала XIX в. (Спенс, Огильви, Дэвис, Холл, Коббет), чартисты не были едины в формулировании своих требований. О'Брайен, например, выступал с радикальным проектом выкупа государством всей земли у частных лиц и передачи ее в аренду трудящимся⁸². О'Коннор предлагал выкуп и парцеллизацию части земель в стране. Ловетт, вначале

⁷⁷ «The Northern Star», 22 VIII 1840

⁷⁸ «The Northern Star», 14 III 1840

⁷⁹ К Маркс и Ф Энгельс Соч., т. 19, стр. 20.

⁸⁰ Подобно философам и экономистам мануфактурного периода, чартисты рассматривали земледелие как основной источник материальных благ и видели залог хозяйственного процветания Англии в увеличении населения, занятого трудом на земле «Сельское хозяйство не только самое важное, но и самое здоровое из человеческих занятий», — писал наиболее подготовленный и глубокий чартистский мыслитель О'Брайен («National Reformer», 7 I 1837. Цит по кн: М Бер История социализма в Англии, т. II, М., 1925, стр 410)

⁸¹ Chartist Tracts for the Times, № 2, p. 3.

⁸² В исследуемый период наиболее сильное влияние О'Брайена чувствовалось в «Лондонском демократе», где в № 3, 4, 6 (1839) помещались статьи и письма с требованием национализации земли.

сторонник национализации, позднее высказался за парцеллизацию земли и создание средних ферм. Из всех чартистских проектов аграрного переустройства наиболее важным был безусловно широко известный план О'Коннора, выдвинутый им в 1843 г. и с поразительной быстротой завоевавший на свою сторону огромное большинство чартистов. Однако первые, «черновые» наброски этого плана появились уже в 1840 г.⁸³

Усматривая в длительной экономической депрессии, охватившей Англию в начале 40-х годов, признаки долгожданного краха «искусственной» промышленной системы, О'Коннор считал в этот период реставрацию старой сельскохозяйственной системы вполне осуществимой. «Я чартист, сэр, — писал он в это время Джону Хэмфри Пэрри, — но я не дал бы и соломинки за Хартию, победи она хоть завтра, если бы не был убежден, что это даст нам возможность вернуться к сельскохозяйственной жизни»⁸⁴.

Осуждая одну форму товарного хозяйства и утопически идеализируя его другую форму, О'Коннор предлагал оторвать от промышленности и вернуть на землю 1 млн. рабочих семей (7 млн. человек), предварительно наделив их пятиакровыми участками земли и ссудой в 100 ф. ст. на обзаведение сельскохозяйственным скотом и необходимым инвентарем. Он надеялся таким образом противопоставить «искусственному» капиталистическому рынку труда «рынок труда независимого и свободного», создание которого привело бы к тому, что «цена труда на искусственном рынке устанавливалась бы по определенным правилам»⁸⁵. Он был убежден, что в случае осуществления его плана заработная плата рабочего увеличилась бы до таких размеров, что это могло привести к «достаточному и полезному ограничению машинного производства»⁸⁶.

План О'Коннора при всей его утопичности имел в себе и рациональное, с точки зрения передовой теории, зерно. В нем в зародышевой форме содержалась мысль о существовании при капитализме постоянной резервной армии безработных и об ее влиянии на положение рабочего класса. Но его основной удар был направлен против конкуренции рабочих между собой в сфере приложения труда. «Рабочий не мог бы найти более уязвимого места для нападения на буржуазию, а вместе с ней и на весь современный общественный строй, — писал в те годы Ф. Энгельс. — Когда конкуренция рабочих между собой прекратится, когда все рабочие примут решение не давать себя больше эксплуатировать буржуазии, царству собственности наступит конец»⁸⁷.

⁸³ См. «The Northern Star», 2, 15, 28 III, 16 V; 5 VIII 1840 etc

⁸⁴ A letter from Feargus O'Connor to John Humphreys Parry London, 1843, p. 8.

⁸⁵ F O'Connor. A Practical Work on Management of small Farms, p. 5.

⁸⁶ Ibid, p. 10

⁸⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 2, стр. 443—444.

Несколько слов об отношении чартистов к оуэновскому социализму в исследуемый период. Вопрос этот довольно подробно разобран в советской литературе. Мы ограничимся лишь указанием на один важный факт, нередко выпадающий из поля зрения историков.

Не подлежит сомнению, что основные идеи оуэнистов были неприемлемы для чартистов прежде всего в силу того, что, отвергая политическую борьбу, оуэнисты объективно скатывались к признанию существующего порядка вещей. Даже то, что такие видные лидеры чартистов, как Гарни, О'Брайен, Ловетт, на разных этапах сочувственно относились к социалистическим идеалам Оуэна, как конечной цели борьбы рабочих, не наложило сколько-нибудь заметный отпечаток на программные документы движения, на формулировку его главных социально-экономических лозунгов. И тем не менее было бы неправомечно сводить ктот взаимоотношений этих двух направлений к перечню диспутов, жестоких идейных схваток. Намечалась и другая тенденция, свидетельствовавшая о том, что в ходе полемики с социалистами в чартистской среде зарождалась мысль о плодотворности революционного синтеза принципиальных чартистских установок с социалистической платформой общественного переустройства.

В феврале 1841 г., в разгар острых дискуссий с социалистами функционер лидской организации Национальной чартистской ассоциации Уильям Райдер писал в «Северную звезду»: Их (социалистов.— А. К.) взгляды на современное положение в обществе и меры, которые они предлагают для его переустройства, требуют самого пристального внимания. Существующий общественный порядок целиком порочен. «Старый порядок вещей должен уступить место новому. Было бы очень хорошо, если бы чартисты и социалисты задумались над блестящей мыслью Бронтерра: каждый разумный социалист должен быть чартистом, а каждый разумный чартист— социалистом. Социалисты и чартисты борются с одним и тем же врагом; цели их одинаково враждебны тем, кто из хорошо известных соображений привержен к существующему порядку вещей. Уничтожение чартистов и разгром социалистов — цель «властей предержанных», наметивших их как свои жертвы; поэтому давайте помогать друг другу, что не требует обязательного компромисса во взглядах. Разобщенные с позиций теологического диспута, обе системы должны быть слиты во имя достижения счастливого будущего человечества, цели, к которой стремятся как те, так и другие»⁸⁸.

Пример этот не единичен. Осенью того же года на диспуте в Лондоне чартист Стэлвуд заявил, что конечной целью борьбы

чартистов является социализм, а чартизм в этой борьбе служит «переходной ступенью, средством для достижения социализма»⁸⁹.

Подобные высказывания, при всей их фрагментарности и спорадичности, все же достаточно наглядно свидетельствовали о том, что намерение пропустить английский социализм «через горнило чартизма» постепенно вызревало в рабочей среде. Об этом открывшемся в начале 40-х годов процессе с большой надеждой писал Энгельс в 1845 г.⁹⁰

* * *

Социальный смысл основных чартистских требований конца 30-х — начала 40-х годов не был тайной для английской буржуазии, именно в этот период развязавшей против чартистов, а в их лице и против всего английского пролетариата, длительную и ожесточенную гражданскую войну. Революционную сущность чартистской программы, заключенную в ее лозунгах объективную тенденцию, угрожавшую самим основам эксплуататорского строя, она ощущала нередко более отчетливо, чем сами чартисты. «Чартист этого рода (т. е. сторонник революционного большинства в чартизме.— А. К.) стремится к наиболее радикальным и далеко идущим изменениям в институте собственности, в отношениях между капиталом и трудом, одним словом во всей структуре и основных учреждениях существующей общественной системы» — писал вигский официоз⁹¹. «...Сами предлагаемые ими мероприятия таковы, что либо они не выдержат ударов конкуренции — и тогда возобновится прежнее положение, — либо они должны привести к упразднению самой конкуренции...», — писал в 1845 г. Ф. Энгельс. Здесь же он указывал, что сближение чартизма с социализмом «неизбежно»⁹².

В истории донаучного социализма эгалитаристские, мелкобуржуазные, по существу, идеи нередко сосуществовали или предшествовали чисто или раг exellence социалистическим утопиям, чтобы по мере углубления общественной борьбы отойти на задний план (пример — многие французские утопии XVIII в.). В чартизме же, в новых исторических условиях капиталистически развитой Англии 30—40-х годов XIX в., постепенно вызревали предпосылки для освобождения идеологии рабочего класса от эгалитарного «рецидива», для движения по пути подлинно пролетарской теории.

⁸⁸ «The Northern Star», 6 XI 1841. Цит по сб: «История социалистических учений» М, 1962, стр. 273.

⁸⁹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 460.

⁹¹ «The Morning Chronicle», 23 IV 1841

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 459. Пол «конкуренцией» подразумевалась капиталистическая конкуренция, и в более широком смысле — весь буржуазный общественный строй.

⁸⁸ «The Northern Star», 13.II 1841.